

Д. ЛЕВИН

Мольеровские врачи

I

Передо мною лежит новый московский сборник «Вехи». Это сборник статей о русской интеллигенции, как гласит подзаголовок, точнее, об окаянстве русской интеллигенции; вехами названы статьи потому, что у них всех одна общая претензия — указать путь интеллигенции, путь в религиозном смысле, путь жизни, путь спасения. «Я есмь путь...»¹ Это не столько сборник статей, сколько собрание проповедей, со всеми достоинствами и недостатками, присущими этому роду. Словом, проповеди как проповеди: усыпляют не хуже других. Потому что и лучшие образцы этого жанра обладают неотъемлемым свойством навевать скуку.

Тэн² передает впечатление, испытанное им от прочтения 200 страниц массивного шедевра «La petit carême»³: ему показалось, что он выпил двести стаканов тепловатой и чистой воды.

В «Вехах» страниц несколько больше — 209, но вкус их приблизительно тот же, несмотря на примесь патоки и уксусу, религиозной метафизики, а также и всякой иной полемики. Авторы сборника составляют видную и почтенную литературную группу, им нельзя отказать ни в уме, ни в знаниях, ни в таланте, а благих намерений хоть отбавляй; но дело не в них, а в самом жанре, который они избрали, тяжесть которого они возложили на себя как добровольное «послушание». Наставнический тон, тон сплошного, непрекращающегося обличения и увещания — делает музыку проповеднического жанра — и попробуйте устоять против ее усыпляющей силы...

Единство сборника и покоится главным образом на его монотонности. В этой однообразной музыке сплошного обличения и

увещания тонет разноголосица музыкантов. Если читатель возьмет на себя «послушание», подобное «послушанию» авторов, хотя далеко не равносильное, и вслушается в отдельные партии, то его поразит разноголосица во многих пунктах, и не наименее важных. Разноголосица касается и объектов обличения, и самых оснований обличительных приговоров. Разумеется, все проповеди обращены к интеллигенции, против интеллигенции, против ее безбожия, ее вольтеррианства и «руссоизма» (выражение одного из авторов сборника). *C'est la faut à Voltaire, c'est la faut à Rousseau*⁴ — это можно считать общим припевом всех статей или проповедей сборника. Как козел отпущения, интеллигенция нагружается всеми грехами новейшего религиозно-философского требника и — как козел отпущения — посылается в пустыню. От интеллигенции требуют, чтобы она отреклась от себя, от своих привязанностей, от своей жизни и истории — что же это, как не отправление в пустыню? Интеллигенция объявляется оторванной от государства, от народа, даже от общества, и на нее возлагается ответственность за грехи государства, народа и общества. Эта обвинительная неразборчивость преследует прекрасную цель — пробудить в интеллигенции чувство греха, страх вечной гибели и жажду покаяния и спасения, — но неразборчивость остается неразборчивостью, и противоречия остаются противоречиями.

II

Сборник открывается статьей Н. А. Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда». Тон этой проповеди крайне суровый. Бердяев говорит даже не об интеллигенции, а об «интеллигентщине» и об ее отношении к философии. Интеллигентская правда оказывается не только правдой перед лицом философской истины, но само отношение ее к философии — отношение аскетического отречения. Интеллигенция или вовсе не принимает философии, или, принимая, искажает ее в угоду своей правде, в интересах своей правды. «У нас было, — говорит Н. А. Бердяев, — не только мало философских знаний — это беда исправимая, — у нас господствовал такой душевный уклад и такой способ оценки всего, что подлинная философия должна была остаться закрытой и непонятной, а философское творчество должно было представляться явлением мира иного и таинственного». «Объясняется это не дефектами *интеллекта*, а направлением *воли* (курсив мой. — Д. Л.), которая создала тра-

диционную, упорную, интеллигентскую среду, принявшую в свою плоть и кровь народническое мирозерцание и утилитарную рценку, не исчезнувшую по сию пору».

Эта тема варьруется Н. А. Бердяевым на разные и даже одинаковые лады. «Русская история создала интеллигенцию с таким душевным укладом, которому противен был объективизм и универсализм, при котором не могло быть настоящей любви к объективной, вселенской истине и ценности». «Это роковое свойство русской интеллигенции, выработанное ее печальной историей, привело к тому, что в сознании русской интеллигенции европейские философские учения воспринимались в искаженном виде, приспособлялись к специфически-интеллигентским *интересам*, а значительнейшие явления философской мысли совсем игнорировались». Так искажены были и научный позитивизм, и экономический материализм, и эмпириокритицизм, и неокантианство, и ницшеанство.

Рабство интеллекта и господство воли — это и есть, по Н. А. Бердяеву, основной, капитальный, поистине первородный грех нашей интеллигенции. Сообразно с таким диагнозом Н. А. Бердяев прописывает и лекарство. «Сейчас мы духовно нуждаемся в признании самоценности истины, в смирении перед истиной и готовности на отречение во имя ее. Это внесло бы освежающую струю в наше культурное творчество». Это «сейчас» звучит почти трогательно по своей скромности, по своему смирению перед объективной истиной... истории интеллигентских переживаний. Ибо кто следил за литературной деятельностью Н. А. Бердяева, тот знает, с какой полнотой и быстротой он прошел все последовательные фазы интеллигентской мысли, — в своем писательском онтогенезисе он воспроизвел филогенезис интеллигенции, как утробный младенец, который повторяет фазы развития, пройденные целым видом. И, умудренный этой прошлой историей, он теперь осторожно говорит: торопитесь пользоваться лекарством, пока оно излечивает. Быть может, завтра оно перестанет излечивать и будет объявлено ядом.

III

Почти рядом со статьей Н. А. Бердяева напечатана в сборнике статья М. О. Гершензона «Творческое самосознание». Г. Гершензон тоже старается заглянуть в самый корень и открыть основной порок интеллигентской души; разумеется, он также

находит раздвоение интеллекта и воли. Но диагноз его прямо противоположный бердяевскому. «Мы калеки, — возвещает г. Гершензон, — калеки потому, что наша личность раздвоена, что мы утратили способность естественного развития, где сознание растет заодно с волей, что наше сознание, как паровоз, оторвавшийся от поезда, умчалось далеко и мчится впустую, оставив втуне нашу чувственно-волевою жизнь». По обвинительному акту Н. А. Бердяева, интеллигенция наша виновата в том, что она пренебрегала истиной, не принимала истины или, принимая, искажала и приспособляла ее к тем потребностям и интересам, в которых звучал властный голос воли; русская интеллигенция носит свое имя по недоразумению, и вся беда ее именно в том, что она не интеллигенция, что ее интеллект отдан в рабство воле. По г. Гершензону, дело обстоит как раз наоборот. Интеллект русской интеллигенции слишком автономен, слишком независим от воли, вот в чем несчастье. Интеллигенция напичкана истинами через край. «Все мы, образованные, — утверждает г. Гершензон, — знаем так много Божественной истины, что одной тысячной доли той, которую мы знаем, было бы достаточно, чтобы сделать каждого из нас святым». Как и Н. А. Бердяев, г. Гершензон также ссылается на историю, создавшую «душевный уклад» русской интеллигенции, но — увы! — оба уклада никак не укладываются вместе. «Наша интеллигенция справедливо ведет свою родословную от петровской реформы. Как и народ, интеллигенция не может помянуть ее добром. Она, навязав верхнему слою общества огромное количество драгоценных, но чувственно еще слишком далеких идей, первая почти механически расколола в нем личность, оторвала сознание от воли, научила сознание *праздному обжорству истиной*. Она научила людей не стыдиться того, что жизнь темна и скудна правдой, когда в сознании уже накоплены *великие богатства истины*, и, освободив сознание от вседневного контроля воли, она тем самым обрекла и самое сознание на чудовищные заблуждения» (курсив мой. — Д. Л.). Красноречие г. Гершензона не иссякает и достигает высокого диапазона. «Сознание, оторванное от своего естественного дела, вело нездоровую, призрачную жизнь. Чем меньше оно тратило энергии на устройство личности, тем деятельнее оно наполняло себя истиной всевозможными истинами, нужными и ненужными. Утратив чутье органических потребностей воли, оно не имело собственного русла. Не поразительно ли, что история нашей общественной мысли делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой иноземной доктрины?»

Шеллингизм, гегелианство, сен-симонизм, фурьеризм, позитивизм, марксизм, ницшеанство, неокантианство, Мах, Авенариус, анархизм — что ни этап, то иностранное имя». Мы уже видели тот же перечень измов у Н. А. Бердяева — только здесь он является показателем совершенно другой, как раз противоположной болезни.

Но позвольте, господа! При всей торжественной серьезности темы и при всей торжественной скуке ее проповеднической обработки, это приближается почти к фарсу. Не напоминает ли это нам консилиум мольеровских врачей у постели больного? ⁵ И как Н. А. Бердяев с г. Гершензоном сошлись под одной обложкой? Или между ними состоялось соглашение, как между мольеровскими врачами: уступи мне рвотное, и я тебе уступлю слабительное?

IV

За этот отзыв о «Вехах» на меня напал один из участников этого сборника и товарищ мой по газете — А. С. Изгоев ⁶. Г. Изгоев упрекает меня в «слишком упрощенном» понимании гг. Бердяева и Гершензона. Это понимание я подтвердил цитатами, число которых легко было бы удвоить, утроить или удесятерить; мысли гг. Бердяева и Гершензона были даны у меня их собственными словами, и читатель мог судить, правильны ли сделанные мною сопоставления и выводы.

Заметка г. Изгоева дает мне повод еще раз вернуться к «Вехам» — да и сама по себе любопытна как образчик правоверной экзегезы. Правоверная экзегеза есть прямая противоположность критике. Она заранее уверена, что все книги Св. Писания одинаково священны, одинаково истинны и, следовательно, в них не может быть ни ошибок, ни противоречий. Это признается а priori. Но так как в действительности противоречия попадают, и в немалом числе, то, чтобы выйти из затруднения, экзегеза прибегает к безнадежнейшим ухищрениям. Единственный результат экзегезы — это, точно, «усложнение». Противоречия «текста» покрываются слоем противоречий экзегезы, нередко гораздо худших, — и для примирения их выдвигается новый этаж хитросплетений с новыми провалами противоречий. Сборник «Вехи» еще не канонизирован в качестве библии «национального» исповедания, но если когда-нибудь вокруг этой книги соберется стадо верующих, то можно предвидеть пышный расцвет экзегезы в ее запутаннейшей схоластической форме.

Но обращусь к экзегезе г. Изгоева. Когда гг. Бердяев и Гершензон говорят о воле, отличая ее от интеллекта или сознания, говорят ли они об одном и том же? *Distinguo*⁷, отвечает г. Изгоев, есть две воли: 1) «воля к познанию, познающая воля, находящая теоретические истины», и 2) «воля, претворяющая эти истины, после того как они уже найдены, в жизнь и отдельной личности и всего народа». Г. Бердяев имеет в виду первую волю, а г. Гершензон вторую.

Смею уверить г. Изгоева, что это не только отсебятина, но и жестокая напраслина, возведенная им на бедных гг. Бердяева и Гершензона. Зачем он заставляет г. Бердяева допускать существование какой-то «познающей воли, находящей теоретические истины»? До сих пор мы думали, вместе с г. Бердяевым, что познание и нахождение теоретических истин есть собственный предмет познавательной деятельности, и ее-то мы, вместе с г. Бердяевым, называли интеллектом, но... *nous avons changé tout cela*⁸. Но... если это Бердяев называет волей, то что же он называет интеллектом? Да простит мне г. Изгоев, если я опять должен вспомнить богатую коллекцию мольеровских врачей. Сам того не замечая, он поставил г. Бердяева в положение того врача, который на самом деле был дровосеком и врачом стал поневоле.

Рядом с познающей волей г. Изгоев пишет о «воле к познанию». Что это — одно и то же или разное? Не знаю. Трудно вникнуть в смысл слов, отрешенных от своего обычного смысла. Может быть, мысль г. Изгоева — та мысль, которую он великодушно одаряет г. Бердяева, — заключается в том, что есть особая «воля к познанию», специфическая воля, сущность которой выражается в стремлении к познанию теоретических истин? Психология также имела свой период схоластики. Вся душевная деятельность была размежевана между отдельными «способностями» или силами; каждый акт душевной деятельности был приписан к соответствующей «способности». Увы! — мне опять приходится сослаться на Мольера; опиум усыпляет, потому что в нем есть усыпительная сила — *virtus dormitiva*⁹. По этому образцу были созданы и все *virtutes*¹⁰ схоластической психологии. Мне кажется, что в близком родстве с этой *virtus dormitiva* находится и специфическая «воля к познанию теоретических истин», открытая г. Изгоевым у г. Бердяева; это какая-то помесь средневековой схоластики с новейшим волюнтаризмом. Но допустим, что есть такая специфическая воля, природа которой состоит в стремлении к познанию теоретических истин, и эту именно волю подразумевает г. Бердяев. Что

же этим достигается? Только то, что статья г. Бердяева превращается в пустой набор слов. Жалуюсь на отсутствие у нас «философской культуры», на пренебрежение интеллигенции к объективной истине, Бердяев пишет: «Объясняется это не дефектами интеллекта, а *направлением воли...*» О какой воле идет здесь речь? О воле, стремящейся к познанию и нахождению теоретических истин? Чем же это направление негодно Бердяеву? Интеллект здоров, есть и воля, направленная к познанию истин, — чего же лучше? За что же громить интеллигентскую «волю»? «К идеологии, — читаем мы у г. Бердяева, — которая в центре ставит творчество и ценности (т. е. самостоятельные духовные ценности, в том числе и научные философские истины), она (интеллигенция) относилась подозрительно, с заранее составленным *волевым решением* отвергнуть и изобличить. Такое отношение загубило философский талант Н. К. Михайловского». О каком «волевом решении» здесь говорится? Есть ли это решение воли, «стремящейся к познанию теоретических истин», или какой-нибудь другой воли, подавившей первую? «К философскому творчеству интеллигенция относилась аскетически, требовала воздержания во имя своего бога — народа... Любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине... Это утилитарно-аскетическое отношение к философии...» и т. д., и т. д. Подставьте толкование г. Изгоева и получите вывод... можно сказать, противоположенный. Воля, которая по своей природе, по самому определению есть стремление к познанию истины, оказывается волей, которая не стремится к истине, аскетически отвергается, отрекается от познания истины. Спасая г. Бердяева от противоречия с г. Гершензоном, г. Изгоев ввергает его в противоречие с самим собою, с логикой, с природой вещей.

Но точно ли г. Бердяев спасается от противоречия с г. Гершензоном? Г. Гершензон, утверждает г. Изгоев, «говорит о воле, претворяющей эти истины, после того как они уже найдены, в жизнь и отдельной личности, и всего народа». Г. Гершензон, по уверению г. Изгоева, «констатирует, что интеллигенция накопила множество теоретических истин, нужных и ненужных», но «в жизни самой интеллигенции и всего народа не воплощена и ничтожная доля этих теоретических истин, оказавшихся совершенно бесплодными». Стало быть, г. Гершензон требует от интеллигенции воли к воплощению добытых ею теоретических истин в жизнь всего народа? Сопоставьте это с вышеприведенной цитатой из г. Бердяева: «Любовь к уравнительной

справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине». Выходит как будто, что то состояние, которое рисуется г. Гершензону как возделенный идеал, является в глазах г. Бердяева плачевнейшей действительностью.

Впрочем, в защиту г. Гершензона я должен оговорить, что «экзегеза» оказала ему такую же услугу, как и г. Бердяеву. Весь смысл проповеди г. Гершензона исчерпывается двумя «истинами»: «царство Божие внутри нас»¹¹ и «ищите царства небесного, а все остальное приложится»¹². Он взывает к «творческому личному самосознанию», он требует от личности устроения ее внешнего домашнего хозяйства и удаления от политической экономии.

V

В сущности это одна из вечных тем моральной и религиозной проповеди. В этом и состоит ахиллесова пята всего сборника, что он только складочное место... морально-религиозных общих мест. Этим, по-моему, объясняются и его противоречия. Сегодня один проповедник обличает гнусность скупости, а завтра с той же кафедры другой проповедник с не меньшим жаром ополчается на мотовство, и каждый из них, в целях риторических и иных, придает своему пороку самое широкое универсальное значение. Человечество погибает от скупости; человечество погибает от мотовства. Человечество спасется, если избавится от скупости; человечество спасется, если избавится от мотовства. Возьмите, например, тот разлад между интеллектом и волей, на который одинаково указывают гг. Бердяев и Гершензон, хотя сущность этого разлада выясняется ими и в противоположном смысле. Ведь это такая широкая схема, что Шопенгауэр вместил в нее все грехи мира, даже самое бытие мира, которое Шопенгауэр, как истый буддист, признает сплошным грехопадением¹³. Диво ли, что в эту бесконечную бездну проваливается и наша интеллигенция? Интеллигенция принадлежит к человечеству; стало быть, ничто человеческое ей не чуждо, не чужды ей и общечеловеческие грехи, общечеловеческие слабости. Интеллигенция принадлежит к народу, к обществу — стало быть, ей не могут быть чужды грехи и слабости, характеризующие народ и общество, их быт, ту степень культуры, на которой они находятся. Читайте статьи г. Розанова «Вопросы русского труда», печатающиеся в «Новом вре-

---

мени»¹⁴, и вы увидите, что как раз те же самые грехи, которые в «Вехах» связываются с «безбытностью и безрелигиозностью» интеллигенции, оторванной от народа, г. Розанов связывает с «бытом» и с «религией» народа.

(В защиту интеллигенции. Сб. статей. М., 1909. С. 66—77; первоначально опубл. в газете «Речь» 1909 г. (№ 82, 25 марта (7 апреля) — § I—III и № 86, 29 марта (11 апреля) — § IV—V) под названием «Наброски» и без разбивки на параграфы)

